

Сергей Калинин

Волшебные фанты

Коварная Бурла

Невдалеке от деревни протекала небольшая речушка с названием Бурла. Невзрачная на вид, она тянулась в солончаковых целинных степях почти на пятьсот километров. Река была с норовом и в засушливые годы пересыхала чуть ли не до ручейка, но в дождливые наполнялась до края берегов и несла свои воды бурным потоком по цветущей степи, за что и получила своё название. Луговые травы быстро выгорали под палящими лучами солнца, когда дождей не было и стояла сушь. Однако после того, как проходили регулярные дожди, разнотравье степи расцветало калейдоскопом красок.

В тот год было жаркое и сухое лето, и Бурла оголила свои бочаги и броды, однако купаться и ловить карасиков было очень даже с руки, чем мы с братьями и занимались. Мне было всё интересно и в диковинку, оно и немудрено — ведь я был городским ребёнком. Особенно мне нравилось ловить рыбу. Братья купались, а я с завидным упорством не сводил взгляд с поплавка удочки. Клюёт, не клюёт, клюёт... не клюёт.

Надо мной небо пронзительной синевы, без единого, даже малосенького, облачка. Оно мне представлялось глубоким голубым океаном, на дне океана лежало солнце, которое ласкало меня своим теплом, смешиваясь с лёгким ветерком и укладывая ровный загар на моё лицо и плечи.

Рыба уже давно перестала клевать, плавать я не умел и поэтому сидел на песчаном берегу, наблюдая за братьями, которые плавали и ныряли буквально как рыбы. Всё, что я умел, это заходить в воду по пояс и, вытянув вперёд руки, оттолкнувшись от дна ногами, выбрасываться на берег, как очумевший от жары кит. Во всех остальных случаях я, как якорь, неизменно шёл ко дну. Но я не отчаивался и продолжал тренироваться, потом устал и прилёт, закопавшись по грудь в тёплый песок.

Накупавшись и назагоравшись, братья засобирались домой. После купания всегда страшно хочется есть. Идти в обход через мостик далеко, не меньше трёх километров. Поэтому решили сократить дорогу и просто переплыть речку, пройти полем, а там и до дома рукой подать. План был великолепен. Сказано — сделано. Собрав вещи, братья переплыли

на другой берег и пошли. А я остался, видимо, придремав. Резко ощутив своё одиночество, я вдруг сел и дико закричал им вслед. Братья остановились в недоумении. И как это они могли меня забыть?!

Брожу по берегу. Туда-сюда. Внутри всё клокочет от обиды. Забыли. Плавать не умею. Дорогу домой не знаю. Страшно: а вдруг нападут волки?! Ведь «бурла» в переводе с казахского — «волчье место», и бабушка рассказывала, что раньше здесь водилось много волков. Вдруг волки прибегут и в тёмный лес утащат? Далёкий лес резко придвинулся к моей спине, повеяло холодком. Хотя нет, до леса далеко, не дотащат. Эх, наверное, прям тут, на бережку, съедят и не подавятся. Останутся от меня только косточки. Братья на том берегу совет держат, как меня выручать.

Решено. Старший брат меня перевезёт вплавь. Простой, смелый и очень изящный план. В одно мгновение, как торпеда, брат оказался рядом. Носом шмыгаю, а сам вида не подаю, что напугался.

— Вот так вот сядешь на меня. Тут обхватишь ногами, а руками будешь держаться за плечи. Поныль? — спрашивает меня брат.

— Давай попробуем на берегу.

И вот уже брат лежит на песчаном пляже, а я сижу верхом на его спине. Всё понятно. Всё просто и вовсе не страшно.

Заходим в воду и плывём. Брат оттолкнулся от дна и начал работать ногами и делать брассы руками. Летят брызги, в одно мгновение спина и плечи становятся влажными и скользкими. Боясь соскользнуть, я обхватываю брата за шею и крепко сжимаю объятия. Брат начинает задыхаться, теряет плавучесть и рефлекторно сбрасывает меня с себя в воду.

И я тону. Медленно погружаюсь на дно. Почему-то не страшно. Вокруг мутная вода. Кручу головой, глаза привыкли, но всё равно видимость не очень, вода бурая. Вдали промелькнула серебром стайка рыб. Так вот где надо было ловить! Воздуха начинает не хватать, он потихоньку выходит из меня струйками пузырьков, которые красиво уплывают вверх. Тону. Жаль только, мама будет плакать. Не хочу, чтобы она плакала. Где-то сверху появляется свет. Как будто солнышко. Свет не удаляется, а наоборот, его становится всё больше. Он буквально окружает

меня. Вот бы воздуха хватило, чтобы, коснувшись дна, выйти по нему на берег. Не хватит. Остался последний пузырик, провожаю его взглядом, свет меркнет, и я слышу голоса. Последнее, что промелькнуло в слове: не хочу чтобы мама плакала, и, наверное, я попаду в рай. Вижу лицо улыбающейся мамы, становится тепло. Голоса усиливаются.

— Раз-два, раз-два, раз-два, — слышится в голове.

Резко резануло в животе, горло дерануло песком, и я, как кит, выпустил ртом фонтанчик воды. Легкие задышали, открылись глаза. Передо мной было очень испуганное лицо брата. Другие братья жались поодаль и возбуждённо перешёптывались. Мы почему-то по-прежнему были на моём берегу, брат пытался мне улыбнуться, я улыбнулся им в ответ. Слава Богу, мы вместе.

Все устали и напуганы, но идти через мост всё так же не хочется. Чуть выше по течению река обмелела так, что едва доходит до колена. Братья посмотрели на меня и в голос сказали, что мне почти по грудь, но меня будут держать за руку. Решено. Идём вброд!

В моей голове тут же возникает картинка: представляю что мы с братьями, как белорусские партизаны в дедушкиной книге «На Немане ждут своих», форсируем водную преграду. Пока фантазировал, мы оказались у переправы. Брод мелкий, как говорится, даже курица перейдёт, сквозь бурую воду видно песчаное дно реки с рядом тёмных пятен — это бочаги, глубокие омуты. С виду безобидные, они как колодцы: если попал, то одному не выбраться. Идём. Друг за другом. Внимательно смотря под ноги, чтобы не попасть в омут. Брат идёт впереди и держит меня за руку.

Вдруг моя нога соскальзывает, и я, не успев даже крикнуть, снова тону, инстинктивно вытянув вверх руки. Как заправский якорь, медленно опускаюсь на дно омута. Снизу идёт жуткий холод. Всё тело сковывает от ужаса. Вверху маленький круг света и какая-то тина или водоросли. Изо всех сил отталкиваюсь от стенок бочага ногами. Песок осклизлый, вода от холода густая, как сметана, но я чуть-чуть подаюсь вверх. В этот момент брат успевает схватить меня за руку и вытягивает из бочага. Перепуганные, стоим на берегу. Мы переправились. Братья успокаивают меня. Хотя сами напуганы не меньше.

— Не бойсь! Кто дважды тонул, теперь никогда не утонет! Быть тебе водолазом! — подбадривают братья, стуча зубами. От холода, наверное.

А брат молодец, не растерялся, спас меня, вовремя первую помощь мне оказал. И во второй раз руку вовремя в бочаг протянул. Дедушка за ужином сказал, что если бы брат меня не скинул в реку, то могли утонуть оба. Это сейчас я понимаю, что брат спас мне жизнь, а тогда я просто сидел вечером с братьями за столом, пил горячий чай с молоком, ел вкусный бабушкин пирожок, слушал возбуждённый рассказ братьев о себе самом. Потом их разговор стал

замедляться, как если бы пластинку на семьдесят восемь поставили на тридцать три, потом я полетел на мягких бабушкиных руках в спальню, по дороге услышав новые выражения: «плавает как утюг», «не зная брода, не лезь в воду»...

С тех пор я точно знал, что не утону, что даже безобидная на вид река может быть коварна и опасна. Жаль только, что плавать я так и не научился и водолазом тоже не стал.

Волшебные фанты

Это случилось в канун Нового года. Заканчивалась учебная четверть, и впереди маячили долгожданные зимние каникулы. И, конечно же, новогодний праздник: ёлка, много вкуснятины и подарки.

В тот год в школе возникла мода писать новогодние фанты. Всяк уважающий себя школьник завёл специальную тетрадку, в которую записывались пожелания, а потом листок сгибался треугольником по примеру военных писем. Чтобы желание сбылось, нужно было успеть его прочитать до окончания боя курантов в новогоднюю ночь и сжечь листок с понравившимся желанием.

Андрейка много болел этой зимой, но от моды не отставал. И все друзья, приходившие его проведать, исправно делали записи, лопая котлеты и поднимая взгляд к потолку, будто на нём было что-то написано. Котлеты у Андрейкиной мамки были вкусные, и вскоре тетрадка закончилась. Наступил период ожидания. Самое тяжёлое было побороть искушение прочитать пожелания заранее. Заранее нельзя. Не сбудется. И Андрейка ждал. Друзья давно перечитали свои пожелания, обменялись весёлыми рассказами, а Андрей ждал. Уж очень ему хотелось, чтобы желания сбылись. Друзья ведь плохого не пожелают.

И вот вечером в самый канун Нового года, когда взрослые уже провожали старый год за столом в гостиной, Андрейка уединился на кухне. Приготовил большую железную банку из-под повидла, спички, налил ковшик воды на случай тушения пожара. Взял в руки блокнот волшебных фантов, сел на табуретку и замер в ожидании. Глаза неустанно следили за стрелками настенных часов, и когда минутная стрелка доползла до без четверти двенадцать, Андрей начал читать.

Пальцы судорожно отрывали треугольники фантов от корешка тетради, разгибали листы, глаза впились в неразборчивый почерк одноклассников.

— Эх, двоечники! Кто так пишет?! — возмущённо произнёс Андрейка, от волнения потирая лицо ладошками.

В первом фанте кто-то желал целую коробку мандаринов, второй фант был про учёбу, третий... время неумолимо летело. Наконец все фанты были открыты и прочитаны. Нужно выбрать три самых-самых желания, больше нельзя, а то не сбудется!

Да и то правда. В сказках три волшебных орешка у Золушки, три желания у золотой рыбки. Больше

трёх нельзя. Меньше можно. Но ведь хочется и мандаринов, и в школу подольше не ходить, чтобы каникулы были подлиннее, и коньки... Эх, да много чего, но надо выбрать три. Всего три фанты, три желания.

Часы предательски тикают: тик-так, тик-так, тик-так... Счёт времени буквально на секунды.

Руки Андрея вспотели и дрожат от волнения. Он перебирает фанты, лежащие на столе. Наконец, окончательно запутавшись, он закрывает глаза и берёт наугад три листа. Не глядя на текст, поджигает их, и в тот момент, когда остатки пепла падают в жестяную банку, по телевизору раздаётся бой кремлёвских курантов. Ура! Успел!

Андрей сгребает листы со стола, прибирает их в портфель и присоединяется к гостям. Ох и засиделся он с фантами. Мама наготовила много вкусностей, нужно успеть попробовать.

Подарки. Пожалуй, самое важное в новогоднем празднике. Но подарки будут только утром. Почему-то Дед Мороз не носит их детям заранее, а кладёт их утром под ёлку. В ожидании Андрейка безропотно идёт спать, а взрослые остаются праздновать за столом и смотреть новогодний концерт по телевизору. Как знать, а если он не поспит, вдруг Дед Мороз испугается и не принесёт подарки?

Проснувшись утром, Андрейка первым делом метнулся к ёлке. На фоне обложенной ватой с конфетти крестовины, в которой держалась новогодняя ель, рядом с фигурками Деда Мороза и Снегурочки лежало три упаковки с его именем. Большая, можно сказать — огромная, маленькая и средняя.

«С какой начать?» — подумал Андрейка. И начал со средней. Он взвесил свёрток в руках. Увесистый, но не гремит. Интересно, упаковка не подаётся, качественно замотал Дед Мороз. Наконец пакет разорван в клочья. И — о чудо! В руках Андрея оказались блестящие серебром новенькие коньки! Прямо такие, как он хотел, такие, как они видели в магазине спорттоваров, когда ходили вместе с мамой и папой покупать кеды для уроков физкультуры.

Андрейка не мог оторвать глаз от подарка. Вот молодец Дед Мороз! Теперь пацаны в школе обзавидуются.

Первый восторг прошёл, а любопытство осталось. И глаза цепляются за оставшиеся два свёртка. Интересно, что там? Большой или маленький? А давай-ка маленький! И Андрей вскрывает маленький пакет. На пол из пакета с грохотом падает настоящая хоккейная шайба и блестящий спортивный свисток. Обалдеть! Теперь он точно в дворовой хоккейной команде. Это вам не консервную банку валенками пинать. Это настоящая шайба!

Андрей подбирает с пола упавшие подарки и бережно кладёт их на полочку в коридоре. И теперь,

уже не задумываясь, вскрывает просто огромный свёрток. Упаковка лопается, и комната наполняется цитрусовым ароматом. Мандарины. Целый ящик! Изумлению Андрея просто нет предела. Полный восторг!

А ведь в волшебных фантах что-то такое было, припоминает Андрей. И тянется к портфелю. Надо проверить.

Достав смятые листы, он пытается вспомнить, что же было в сожжённых фантах. Так, коньки были, мандарины были и... нет, шайбы и свистка не было. А что же тогда третье? Точно. Аркашка, дурак, написал: обожраться и в школу неделю не ходить. Ну и ладно. Два из трёх тоже неплохо, хотя и обидно.

Все каникулы Андрей играл во дворе в хоккей. Болезнь прошла, и мама не возражала против прогулок. Каждый раз хотелось погулять подольше хотя бы на полчаса, а ещё полчаса, и ещё пять минуточек.

Придя домой, Андрей первым делом съедл несколько мандаринок. Ел он их понемногу, чтобы надольше хватило. Растягивал удовольствие.

За два дня до выхода в школу мама сказала, что мандарины нужно либо съесть, либо отдать кому, так как они не железные и так долго не могут храниться.

Ясно дело, не железные, они вкуснячие и ароматные. Отдать мандарины? Целых пол-ящика? Ну уж нет! Такую вкусноту Андрейка был не готов отдавать. Да и когда ещё столько мандаринов подарит Дед Мороз? И Андрей начал есть мандарины от пуза, сколько влезет. Вначале влезало много, а потом всё меньше и меньше. К концу последнего каникулярного дня Андрей победил мандарины. И даже шкурки выбросил.

А утром началось! Живот скрутило так, что ни вдохнуть, ни выдохнуть. Поднялась температура, появился озноб, а по всему телу пошли красные пятна.

Пришла врач. Внимательно осмотрела Андрейку. Заглянула в рот, прижав язык чайной ложечкой, послушала лёгкие трубочкой и сказала:

— Да у вас, батенька, аллергия на фоне обжорства цитрусовыми.

Всю неделю после каникул Андрейка лечился дома, сидя то на горшке то на жёсткой диете. Все-таки сбылось Аркашкино дурацкое пожелание! Но тут — сам виноват: нечего было не глядя фанты жечь!

В школе в тот год только у него сработали волшебные фанты. Так Андрей понял для себя один очень важный жизненный урок: надо быть осторожным со своими желаниями. А вдруг сбудутся? Впрочем, после того случая Андрейка волшебные фанты больше не писал, а мандаринами делился с друзьями. Ведь он не жадина.